

С. Д. Протопоповъ.

676-1000

ИЗЪ ПОѢЗДКИ

ВЪ СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

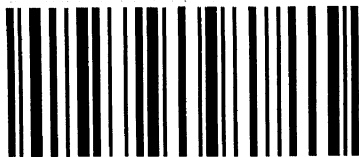
МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. № 5

1903

Дозволено цензурою Москва, 17 марта, 1903 года.

2010515004

Изъ поѣздки въ Соловецкій монастырь.

До Архангельска.

Июнь и июль—лучшее время для путешествія въ Соловецкій. Въ маѣ на Бѣломъ морѣ часто бываетъ холодно, и переѣздъ отъ Архангельска до острова нерѣдко можетъ познакомить съ неприятными послѣдствіями хорошей качки. Въ августѣ ранняя сѣверная осень уже даетъ себя знать, а потому не нужно пропускать середины лѣта, если хотятъ извлечь изъ прогулки наибольшее удовольствіе.

Зная это, я тронулся въ путь изъ Н.-Новгорода на самый Петровъ день. До Ярославля вверхъ по Волгѣ я добрался на хорошемъ пароходѣ, въ первыхъ двухъ классахъ котораго оказалось не мало катающейся, отдыхающей публики. Въ третьемъ классѣ по большей части ѣздятъ люди небогатые и даже бѣдные, трудъ—ихъ обычное занятіе, но

тѣмъ не менѣе среди нихъ вы уже не найдете ни отдыхающихъ, ни катающихся.

Погода прекрасная; тепло; солнце свѣтитъ ярко. Пассажирамъ не сидится въ каютахъ — всѣ стараются занять мѣста на палубѣ. Чистая публика „кушаетъ“ чай, прохлаждается пивомъ, холоднымъ виномъ, зельтерской и фруктовыми водицами. Со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на жару. Но особенное нетерпѣніе выражаютъ дамы и барышни: онѣ чувствуютъ, какъ страдаетъ ихъ пудровый матъ, и какъ некстати грѣютъ корсеты. Хочется пить, а пить опасно, такъ какъ каждый стаканъ и каждая чашка норовитъ выступить въ видѣ капелекъ пота... и прости-прощай пудровый матъ выхоленныхъ фізіономій. Что подѣлаешь: красота не дается безъ жертвъ.

Въ тѣневой сторонѣ палубы вокругъ столика сидятъ четыре господина. Они кушаютъ. Офиціантъ торопливо носить имъ аппетитныя блюда и бутылку за бутылкой. Упитанныя фігуры и подбородки съ подзобками краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о прекрасномъ пищевареніи.

За парходомъ несутся чайки. Красивая птица чайка. Головка черная, грудь снѣжно-бѣлая, глазъ зоркій и внимательный. И летаютъ чайки чрезвычайно граціозно. Кто-то бросилъ въ воздухъ кусочекъ хлѣба; одинъ, другой. Птицы ловко подхватывали подаяніе и опять неслись за пархо-

домъ. Замѣтила чаекъ и компанія „жрецовъ“. Самый развязный изъ нихъ, темный брюнетъ съ большимъ животомъ и крошечными поросячьими глазами, кивнулъ на чаекъ и ухмыльнулся злой улыбкой. Остроумный планъ созрѣлъ въ его головѣ. „Жрецъ“ взялъ со стола кусокъ булки, жирно намазалъ его горчицей и бросилъ чайкамъ. Птицы доврчиво схватывали хлѣбъ, но тотчасъ же роняли его въ воду. Острякъ измѣнилъ тактику: онъ сталъ намазывать горчицу между ломтиками, онъ сталъ вливать горчицу по каплямъ въ ноздри булки.

— Глядите!.. — радостно объявилъ брюнетъ:— тѣ чайки, которыя проглотили горчицу, садятся на воду и пьютъ... Значитъ—отъ жженія!... Ха! ха! ха!...

Хохотали и друзья, а кусочки хлѣба съ горчицей все продолжали летѣть и летѣть въ воздухъ.

Когда подходилъ официантъ, остроумная забава прерывалась: неудобно, вѣдь хлѣбъ и горчица не для этого подаются. Но съ уходомъ официанта дѣло опять возобновлялось.

— Эй!.. подай еще хлѣба и горчицы.

Замѣтили шутку и сосѣднія дамы.

— Посмотрите!—сказала одна:—они дадутъ чайкамъ горчицу...

И дамы мило улыбнулись.

Пароходъ останавливается у разныхъ пристаней.

Путеводители описываютъ эти пристани въ „высокомъ штиль“. Большинство мѣстечекъ основано въ древнія времена; въ большинствѣ когда-то жили или бывали проѣздомъ знаменитыя, историческія лица. А теперь? И высокопорный тонъ исторіи смѣняется минорными отмѣтками мизерной дѣйствительности. „Все въ прошломъ“, какъ гласить подпись къ извѣстной картинѣ Максимова, на которой изображена старушка...

Вотъ, наконецъ, и Ярославль. Пассажиры, привыкшіе къ ежедневной газетѣ, спѣшатъ купить свѣжій листокъ. Но такихъ пассажировъ очень немного, и мальчуганъ-разносчикъ уныло оставляетъ пристань съ мало облегченной папкой. На мой упрекъ одинъ серьезный и неглупый пассажиръ мнѣ отвѣтилъ:

— Да чего читать въ газетѣ-то? Вотъ лучше я увидаю тутъ одного, человѣка: онъ мнѣ и расскажетъ новости.

Въ Ярославлѣ около 80 тысячъ жителей, а церквей 77. Купола и колокольни придаютъ городу своеобразный характеръ. Иностранецъ можетъ подумать, что здѣсь — оплотъ религіозной чистоты нравовъ. Но намъ, русскимъ, извѣстно, что по статистикѣ преступленій и выпиваемой водки Ярославль ни мало не можетъ оправдать заключенія иностранца.

Въ Ярославлѣ я взялъ желѣзнодорожный билетъ

на Вологду до Архангельска. Поѣздъ тронулся поздно вечеромъ и вскорѣ врѣзался въ лѣсной просѣкъ, который съ незначительными перерывами протянулся до Бѣлаго моря.

Пассажировъ немного; въ вагонахъ просторно. Хотя „мамонтка“ и узкоколейна, но ѣхать по ней удобно: подвижной составъ заграничнаго издѣлія, диваны мягки, рессоры съ пріятной зыбью и общій тонъ — „по-домашнему“. Это — положительная сторона; отрицательная заключается въ массѣ комаровъ, врывающихся въ окна, въ скучной однообразности пейзажа и въ отсутствіи станціонныхъ буфетовъ.

На ходу еще можно открывать окна: комары не поспѣваютъ за локомотивомъ, но предъ каждой остановкой необходимо спѣшно поднимать рамы. Кстати, въ окна не на что и любоваться: лѣсъ, болота съ кустарникомъ, озера и опять лѣсъ. Мѣстами открываются цѣлыя площади гари. Мертвыя деревья съ черными стволами свидѣтельствуютъ о страшныхъ пожарахъ. И никто не убираетъ этотъ горѣлый лѣсъ, никто не вывозитъ буреломовъ, которые гниютъ повсюду, тамъ, гдѣ упали.

На одной станціи насъ задержали, чтобы пропустить служебный поѣздъ. Поджидая начальство, на станціи очень суетились; все „подтягивалось“. Сторожа бѣгали съ метлами, глава станціи непрерывно поправлялъ свою фуражку и обдергивалъ

свой мундиръ. Наконецъ подкатилъ служебный поѣздъ. Мелькнула кухня съ двумя солиднѣйшими поварами, мелькнулъ вагонъ-столовая съ бѣлыми скатертями на столахъ, мелькнули два служебныхъ вагона съ зеркальными окнами, съ роскошными купэ и кабинетами. На задней платформѣ послѣдняго вагона сидѣли гг. инженеры-начальники, осматривающіе шпалы и рельсы, быстро убѣгающіе изъподъ несущихся колесъ поѣзда... Говорятъ, что въ Германіи инженеры пѣшкомъ обходятъ полотна ввѣренныхъ имъ дорогъ. Конечно, при этой системѣ тщательность ревизіи не можетъ не выиграть, но развѣ не утомительно „пендюрить пешедраломъ“ по лѣсной просѣкѣ въ лѣтнюю жару и развѣ не легче бросить взглядъ на путь съ балкончика несущагося поѣзда?

Вся эта сценка породила въ нашемъ вагонѣ длинный разговоръ.

— Много ли увидишь, катаясь такимъ образомъ?.. На станціяхъ подтянулись, дорожки посыпаны пескомъ и все такое... А нужно бы ѣхать инкогнито, да въ третьемъ классѣ, да пѣшкомъ потрудиться, да при нагрузкѣ клади постоять...

Архангельскъ.

Вотъ и Архангельскъ. Онъ вытянулся верстъ на шесть по берегу широкой, какъ Волга подъ Ниж-

нимъ, Сѣверной Двины. Продольныхъ улицъ всего только четыре, зато между ними очень много поперечныхъ маленькихъ переулковъ.

Впечатлѣніе Архангельскъ производитъ весьма „провинціальное“. Большая половина города не мощена, преобладаютъ деревянные дома, на дворахъ кучи мусора, по отвратительнымъ панелямъ жиденькой струйкой снуетъ „сѣрая“ публика.

Послѣ четырехъ дней пути весьма естественно подумать о купаньѣ.

— Ванны у насъ въ гостиницѣ нѣтъ - съ, — объявляетъ офиціантъ, — а можно выкупаться въ рѣкѣ, прямо съ берега, или лучше съ плотовъ.

На плотяхъ, конечно, весьма удобно, какъ говорится, „людей посмотреть и себя показать“, но этимъ, къ сожалѣнію, и исчерпываются удобства архангельскаго купанья. Здѣсь вообще слѣдуетъ замѣтить, что все дальнѣйшее путешествіе на каждомъ шагу встрѣчаетъ благоустройства, вполне соответствующія купанью съ плотовъ... Еще дикъ и некультуренъ нашъ сѣверъ.

Чтобы узнать о времени отвала парохода въ Соловецкій, мнѣ приходится идти на монастырское подворье, такъ какъ въ гостиницѣ извѣстно только, что „пароходы ходятъ разное — по надобности“. По пути въ подворье, я случайно познакомился съ однимъ мѣстнымъ чиновникомъ.

— Вы въ Соловецкій, — сказалъ онъ, — гм...

испытаете наши удобства... Пароходы малы, скверны и отвратительно грязны. На 500 мѣсть иной разъ сажаютъ 700 человекъ... изъ-за выгоды, конечно. Можете себѣ представить, что это такое...

Свѣдѣніе неутѣшительное, а до Соловецкаго нужно плыть 15—20 часовъ. Итакъ, вся надежда только на погоду.

Въ подворьѣ я добился свиданья съ монахомъ, про котораго сторожъ мнѣ сказалъ:

— Онъ все знаетъ и все вамъ объяснить.

Но монахъ, къ сожалѣнію, оказался человекомъ не очень склоннымъ на разговоры. Онъ долго молчалъ предъ каждымъ вѣствомъ, а затѣмъ отвѣчалъ коротко и пристально смотрѣлъ въ глаза.

— Что долженъ я сдѣлать, чтобы заручиться мѣстомъ и не стоять 20 часовъ?

— Будетъ зависѣть отъ числа пассажировъ.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ я кое-какъ узнаю, что пароходъ идетъ завтра, что каюты уже взяты, да и не даютъ каюты въ одинъ конецъ. Есть еще хорошіе пароходы Мурманскаго об—ва, но ждать очередного нужно почти недѣлю...

Я вернулся въ свой номеръ довольно поздно и принялся за свой дневникъ. Время побѣжало незамѣтно. Окончивши записи, я взглянулъ на часы: почти полночь, а я пишу безъ огня!.. Вотъ онѣ сѣверныя, бѣлыя ночи.

По морю до острова.

Прощай, Архангельскъ! Я покидаю его безъ тѣни сожалѣнія. Этотъ городъ плоскій, какъ блинъ, и неблагоустроенный, какъ село. Въ сухую погоду по улицамъ несутся облака пыли, послѣ дождя— грязь. Мѣстной газетки нѣтъ, да и столичной купить негдѣ. За двѣсти лѣтъ не доросъ еще Архангельскъ и до этой первой ступеньки культуры.

Возлѣ монастырской пристани возвышается архангельское-соловецкое подворье. Въ немъ скопляются, въ ожиданіи отвѣта, паломники и паломницы. Иногда приходится ждать 1—2 и даже 3 дня. Даже состоятельные богомольцы считаютъ не совсѣмъ хорошимъ ждать и жить въ какой-нибудь архангельской гостиницѣ: этимъ лишаешь монастырь дохода и, кромѣ того, гостиница есть все же гостиница. Поэтому въ подворьѣ скопляется иной разъ народа много. Объ отдѣльныхъ номерахъ и думать нечего. „Сѣрую“ публику набиваютъ въ большія комнаты по нѣсколько десятковъ мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ. Однако, смѣшенія половъ не избѣгаетъ и „чистая“ публика: ее размѣщаетъ по 5—10—15 человѣкъ, и если это вызываетъ недоумѣніе нѣкоторыхъ женщинъ, то онѣ получаютъ въ отвѣтъ, что когда идутъ на богомолье, то нужно быть терпѣливыми, не роптать.

Въ итогѣ богомольцы, конечно, покоряются; женщины ложатся спать одѣтыми. И вотъ послѣ утомительнаго пути до Архангельска, послѣ спанья здѣсь, въ платьяхъ, наступаютъ испытанія пароходныя, за которыми слѣдуетъ опять-таки „общезитіе“ на Соловецкомъ островѣ, гдѣ тоже въ монастырскихъ гостиницахъ „смѣшаны полы“, и гдѣ тоже приходится спать, не раздѣваясь, на грязныхъ матрацахъ, богатыхъ клопами... Обратный путь обставленъ тѣми же трудностями, и поэтому легко понять, что въ сущности недалекое путешествіе въ Соловецкій превращено въ утомительный подвигъ, и все это сдѣлано лишь въ силу некультурности и въ погонѣ за прибылью.

На пристани часа за три до отвала парохода началась невозможная суетня и толкотня. Богомольцы и богомолки, съ котомками за спиной, нажимали другъ на друга, лѣзли, куда не надо, бранились и причитали. Монахи равнодушно смотрятъ на суетолку.

Накрапываетъ дождь; въ воздухѣ сыро и холодно. Тучи несутся низко и быстро.

— На пароходъ еще нельзя!

— Какъ нельзя?.. Многіе уже пробрались!

— Подождите звонка.

— Ждать звонка — значитъ остаться безъ мѣста! — вразумительно объясняетъ мнѣ послушникъ, вооружившійся моимъ чемоданомъ.

Мы проходимъ на пароходъ по трапу, мимо ворчащаго помощника капитана и попадаемъ въ общую каюту I-го класса. Здѣсь уже масса народа. Ёхать придется часовъ 17-ть, то-есть вечеръ, всю ночь и утро. Просидѣть безъ возможности прилечь столь долго въ тѣснотѣ, въ особенности, если будетъ качать, — перспектива не изъ пріятныхъ. Поэтому я и мой послушникъ приступаемъ къ завоеванію мѣста. Куда ни сунемся, всюду протесты:

— Занято!.. Здѣсь занято!

— Нечего слушать!—говоритъ мой послушникъ, водворяя мой чемоданъ туда, гдѣ „занято“, и безцеремонно отшвыривая разложенныя вещи. Я стараюсь успокоить моихъ случайныхъ сосѣдей, объясняя имъ, что и я деньги отдалъ, и простоять или просидѣть на складномъ стулѣ 17 часовъ не хочу, что нужно потѣсниться „по справедливости“ и т. д. и д. т.

— Да вѣдь и намъ прилечь захочется... — резонно возражаютъ мнѣ притѣсненные.

Въ ожиданіи своей судьбы, я усаживаюсь на крошечномъ кончикѣ мѣста, у чемодана. До отвала еще долго, а пассажиры все прибываютъ. Споры становятся непрерывными и настойчивыми. Нѣсколько человѣкъ бросили свой багажъ на полъ и сѣли на него... Это въ первомъ классѣ!..

Наконецъ мы отвалили. Мои сосѣди оказались

людьми очень добродушными и лишь ожесточенными борьбою за существованіе.

Дождь идетъ то сильнѣе, то слабѣе. Вѣтеръ набѣгаетъ порывами, но намъ нужно пройти версть 50 Двиной до моря, и здѣсь еще не качаетъ. Я проталкиваюсь, чтобы посмотрѣть на II и III классы.

Третій классъ расположенъ въ трюмѣ — въ кормѣ и въ носу парохода. Каюта II-го класса въ носу надъ III-мъ классомъ; наша каюта I-го класса въ кормѣ тоже надъ III классомъ. Я спускаюсь въ трюмъ... Боже мой, какая здѣсь тѣснота!.. Заняты все лавки; многіе на полу; многіе стоятъ и, кромѣ того, еще очень многіе на открытой палубѣ подъ дождемъ. Воздухъ въ каютахъ III класса невообразимо скверный: даже безъ качки отъ одного этого воздуха можетъ вырвать не сильнаго человека. Окна открыты нельзя, такъ какъ они у воды; вслѣдствіе этого темно.

Монастырскихъ пароходовъ два: „Соловецкъ“ и „Архангелъ Михаилъ“. Оба они почти одинаковыхъ размѣровъ: саженой 15—17 длины и 2—3 сажени ширины. Однимъ словомъ, на Волгѣ они равнялись бы маленькимъ пароходамъ стараго типа, и поэтому не трудно представить себѣ, какъ колыхутся эти „скорлупки“ на холодныхъ и бурныхъ волнахъ Бѣлаго моря.

По комплекту эти пароходы могутъ вмѣщать по 500—550 пассажировъ. Это предѣль, при кото-

ромъ люди сидятъ вездѣ, гдѣ только мыслимо сидѣть, не исключая и пола... Въ недавнемъ прошломъ, какъ мнѣ сообщили сами монахи, монастырскіе пароходы иной разъ забирали по 1100 — 1200 пассажировъ. При такомъ двойномъ комплектѣ пассажирамъ приходилось уже не сидѣть, а стоять и при томъ такъ тѣсно, какъ стоять въ церквахъ во время большихъ праздниковъ. Это было уже мучительство... и продолжалось оно, пока одну женщину однажды не задавили до смерти. Послѣ этого вмѣшалась свѣтская администрація и потребовала, чтобы погоня за доходностью рейсовъ была болѣе приличной.

Во время качки плыть на монастырскихъ пароходахъ—истинная казнь. А нужно замѣтить, что на Бѣломъ морѣ качаетъ часто, какъ нигдѣ. Навигація длится мѣсяцевъ пять, и июль справедливо считается лучшимъ мѣсяцемъ. Однако и въ этомъ лучшемъ мѣсяцѣ трудно рассчитывать совершить безъ качки оба конца — въ Соловецкій и обратно. Ну, а при малѣйшемъ вѣтрѣ непременно тянешь горя. Въ тѣснотѣ, въ воздухѣ, даже въ I-мъ классѣ, испорченномъ сосѣдствомъ грязнаго отхожаго мѣста, всегда много людей, легко укачиваемыхъ. При мнѣ даже еще въ берегахъ Двины нѣсколько дамъ укачалось: въ каютѣ-компаніи раздались стоны и представились извѣстныя сцены съ тазиками, сцены, при которыхъ стыдъ и брезгливость

равно позабыты. Примѣръ заразителенъ, и каюта превращается въ больницу.

На каждомъ пароходѣ есть 3—5 каютъ I-го и II-го классовъ. Правда, что здѣсь вы имѣете безспорную койку, но это элементарное удобство перевѣшивается многими непріятностями: каюты страшно дороги, тѣсны, отвратительно грязны и совсѣмъ не вентилируются. Вообще говоря, морской переѣздъ отъ Архангельска до Соловецкаго обставленъ монастыремъ, какъ нельзя плохо.

— Богомольцы не ропщутъ!— назидательно сказалъ мнѣ одинъ старшій монахъ.

И, дѣйствительно, терпѣніе паломниковъ удивительное. Крайне невзыскательные въ своемъ большинствѣ, паломники переносятъ муки переправы не какъ беспорядокъ пароходнаго сообщенія, а какъ душеспасительный подвигъ.

Оба парохода много лѣтъ тому назадъ обошлись монастырю въ 250 тыс. руб. Но это не мѣшаетъ пароходамъ ежегодно приносить 50—60 тыс. рублей дохода. И, конечно, та тѣснота, которая столь непріятна и тяжела для пассажировъ, она-то именно и вздуваетъ доходность пароходнаго предпріятія. Если бы монастырь сталъ почаще ремонтировать свои пароходы и сталъ бы избѣгать переполненія, то доходность легко бы упала съ теперешнихъ 25 проц. на обыкновенные 10 проц. А этого-то и избѣгаютъ.

— О! какіе хорошіе мурманскіе пароходы! — говорила одна госпожа, пассажирка монастырскаго парохода, — я заходила на нихъ посмотрѣть. Но все же я поѣхала на этомъ — монастырскомъ, чтобы дать доходъ обители.

Такая трогательная самоотверженная, хотя и нѣсколько наивная преданность, право же, достойна лучшей участи, чѣмъ та, которая постигаетъ пассажировъ монастырскихъ пароходовъ.

Бѣлое море, по которому отъ Архангельска до Соловецкаго почти 300 верстъ, во многомъ уступаетъ по красотѣ южнымъ морямъ. Очень мѣтко это море названо Бѣлымъ. Даже въ хорошій іюльскій день Бѣлое море производитъ впечатлѣніе холода и сѣвера. Блѣдное небо окрашиваетъ и воду въ блѣсовато-зеленоватый цвѣтъ; волна не манитъ къ купанью.

Въ часъ ночи, въ два часа и въ три часа утра я пробирался на палубу нашего парохода, но оставаться тамъ долго не могъ, такъ какъ мое лѣтнее пальто совершенно не соотвѣтствовало температурѣ іюльской ночи на Бѣломъ морѣ. Дулъ пронзительный, холодный вѣтеръ; руки и шея зябли; продувало насквозь, и въ рукава, и въ грудь, и въ спину. Всю ночь было такъ же свѣтло, какъ у насъ передъ самымъ восходомъ солнца. Эти бѣлыя сѣверныя ночи чрезвычайно интересны и поражаютъ всѣхъ, видящихъ ихъ впервые. На палубѣ

народу поубавилось; оставшіеся, съезжившись, лежали возлѣ мачтъ, подѣ шляпками, стараясь какъ-нибудь укрыться отъ вѣтра и холода. Я не видѣлъ градусника, но думаю, что было не болѣе 5 градусовъ тепла.

Чтобы пробраться на свое мѣсто, въ общую каюту I класса, приходится перешагивать чрезъ лежащихъ и сидящихъ на полу пассажировъ... И это при соблюденіи комплекта...

Пріѣздъ въ монастырь.

Утромъ вдали показались острова Соловецкаго архипелага — Анзерскій островъ, затѣмъ Соловецкій и другіе. Часовъ въ 9 утра мы остановились въ гавани „Благополучія“, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ монастыря.

Пассажиры хлынули къ сходнямъ. Мнѣ сказали, чтобы я шелъ къ Преображенской гостиницѣ, какъ разъ противъ пристани. Здѣсь, на крыльцѣ, скопилась „чистая“ публика. „Сѣрую“ направили въ другіе дома.

На крыльцѣ пришлось ждать довольно долго. Наконецъ, отворилась дверь и послѣ хорошей давки часть ожидавшихъ проникла въ прихожую. Затѣмъ дверь вновь затворилась: пусть непопавшіе подождутъ, пока не размѣщена первая партія.

Преображенская гостиница — трехъэтажное зданіе.

Въ каждомъ этажѣ посрединѣ коридоръ и „номера“ въ обѣ стороны. Размѣщеніемъ завѣдуетъ отецъ Николай — суровый и крайне неразговорчивый человѣкъ.

— Батюшка! Батюшка! Вотъ насъ 8 человѣкъ... Пожалуйста, комнатку.

— Батюшка! Нельзя ли комнатку вотъ на насъ, на четверыхъ.

Отецъ Николай какъ будто не слышитъ этихъ обращеній и молча идетъ по коридору.

— Васъ сколько?.. Девятеро: вотъ вамъ комната... Получайте ключъ.

Отецъ Николай проницательно поглядываетъ на пріѣзжихъ. По костюму и по манерѣ говорить онъ опредѣляетъ людей: „попроще“ направляются въ нижній и верхній этажи, почище—въ средній.

Получить комнату на одного можно только по сильной протекціи. Обыкновенно комнаты даются группамъ въ 4 — 12 человѣкъ. Эти группы состоятся самими пріѣзжими по ихъ вдохновенію.

— Идите въ нашу компанію!..

— Благодарю васъ: я уже приглашенъ (или приглашена) вонъ тѣми.

Приглашаютъ незнакомыхъ — просто по виду: посмотришь и рѣшаешь—желательно ли съ этими людьми прожить бокъ-о-бокъ 3 — 4 дня.

Судьба соединила меня въ комнатѣ съ тремя лицами женскаго пола.

— Хотя я васъ и не знаю, — сказала мнѣ одна госпожа, — но все же я рѣшаюсь предложить вамъ проситься въ общій номеръ съ нами.

Намъ отвели комнату на четверыхъ, и здѣсь, размѣщая нашъ багажъ, мы стали знакомиться.

Въ номерѣ по стѣнамъ 4 деревянныхъ старыхъ дивана, съ очень грязными матрацами. По осмотру — и въ диванахъ и въ матрацахъ оказалось изобиліе клоповъ. Чтобы спастись отъ нихъ, я спалъ на полу, а мои, такъ сказать, товарки по несчастью, истомленные дорогой, легли на диваны и матрацы, фаталистически рѣшивъ:

— Ну, пусть будетъ, что будетъ.

Умывальниковъ въ комнатахъ нѣтъ. Умывальники примитивнаго устройства находятся въ мѣстахъ, надъ дверью которыхъ красуется крупная надпись — „Сортиръ“.

Это мѣсто тоже примитивнаго устройства. Стѣны грязны, измазаны и покрыты массою грубѣйшихъ надписей.

„Въ 1887 году здѣсь былъ купеческій сынъ Николай Губановъ“.

Другимъ почеркомъ къ фамиліи купческаго сына прибавлено: „дуракъ и свинья“.

И т. д. и т. д. Есть надписи 1880 года... Давненько эти стѣны не видали ремонта.

Нужно раздобыть самоваръ, но это не легко. На весь коридоръ всего лишь одинъ служитель —

парень лѣтъ 18-ти и еще мальчишка. Они сбиваются съ ногъ, и вовсе неудивительно, что на просьбы о самоварѣ огрызаются:

— Ладно! ладно! слышали.

На упреки въ грубости слѣдуетъ такое убѣдительное оправданіе:

— Насъ двое, а васъ сто человѣкъ.

Я вручаю послушнику, завѣдующему самоварами, монету, и это оказываетъ дѣйствіе.

Забылъ я прибавить еще вотъ что: на столѣ въ нашей комнатѣ мы нашли крошки, очевидно, оставшіяся послѣ нашихъ предшественниковъ. Полъ тоже былъ не метень. Это и клопы съ грязью тюфяковъ вполне даютъ понятіе о чистотѣ лучшей изъ трехъ „гостиницъ“.

Таковы факты, и, какъ это всегда бываетъ, факты имѣютъ неизмѣнно глубокія причины своего существованія. Такъ и здѣсь.

Большинство паломниковъ принадлежитъ къ людямъ очень невзыскательнымъ, имѣющимъ о комфортахъ и чистотѣ самое провинціально-русское понятіе. Братія соловецкая, состоящая по преимуществу изъ крестьянъ, тоже къ удобствамъ жизни предъявляетъ минимальныя требованія. Газеты сообщаютъ, что вскорѣ начнется постройка желѣзной дороги отъ Петербурга на Петрозаводскъ. Затѣмъ соединятъ Кемь съ этой линіей, и вотъ тогда въ Соловецкій хлынетъ столичный туристъ, такъ

какъ отъ Кеми до монастыря всего лишь 60 верстъ по морю. Когда это будетъ, навѣрно измѣнится многое изъ того, что теперь поражаетъ болѣе избалованныхъ и требовательныхъ гостей Соловецкаго острова.

Вотъ и самоваръ. Я завариваю чай и намѣреваюсь закрыть самоварную трубу, откуда несетъ „тяжелыми“ углями, но крышки нѣтъ. Я отправляюсь за крышкой къ служителю.

— У этого самовара крышки нѣтъ!—объявляетъ онъ, какъ вещь самую естественную.

Не успѣли мы напиться чаю, какъ въ нашъ номеръ вошелъ монахъ и предложилъ намъ билеты въ Анзерскій скитъ. Эта прогулка очень интересна для посѣтителей монастыря, въ то же время является хорошей доходной статьей для соловецкой кассы. На пару въ долгушѣ садятся четверо паломниковъ, на гройку—шестеро, при чемъ съ каждаго пассажира берется 1 р. 50 коп. Монахъ объявилъ намъ, что ѣхать нужно немедленно послѣ трапезы, то-есть въ часъ дня. Мы поспѣшили скорѣе купить билеты.

Опустивъ анзерскій квитокъ въ карманъ, я съ нетерпѣніемъ вышелъ изъ гостиницы, чтобы посмотреть монастырь.

Въ полутора шагахъ отъ гостиницы возвышается продолговатый пятиугольникъ крѣпостной монастырской стѣны, внутри которой и располо-

жены три собора, трапезная, квартиры братіи; квартира настоятеля, мастерскія и т. д. Старыя, толстыя стѣны крѣпости сложены изъ громад-ныхъ булыжниковъ, совершенно неотесанныхъ. По угламъ—башни.

Но монастырю уже давно стало тѣсно въ предѣлахъ старой стѣны, и цѣлый рядъ построекъ стоитъ возлѣ крѣпости.

Недавно въ *Рус. Вѣдом.* было напечатано опи-саніе поѣздки на сѣверъ г-на Яценка. Про Соловецкій г. Яценко говоритъ, что здѣсь, интересны только чайки и старыя крѣпостныя монастырскія стѣны. И чайки и стѣны, дѣйствительно, любопытны. На Соловецкомъ живутъ не тѣ чайки, которыя провожаютъ волжскіе пароходы нѣтъ, здѣсь крупная порода бѣлоголовыхъ морскихъ чаекъ; онѣ величиною превосходятъ даже большую утку и пронзительно кричатъ то какъ индѣйки, то какъ грачи. Въ монастырѣ этихъ чаекъ много: онѣ гуляютъ между внѣкрѣпостными постройками, ихъ много и внутри монастырскихъ стѣнъ. Здѣсь онѣ высиживаютъ въ травѣ дѣтенышей и ходятъ съ ними по монастырскимъ дорожкамъ, какъ у насъ ходятъ на хуторахъ куры. Паломники любятъ кормить чаекъ хлѣбомъ, и чайки охотно берутъ кусочки прямо изъ рукъ.

— Ёшь, матушка, кушай!.. — причитаеть старушка, обращаясь къ чайкѣ, жадно глотающей

хлѣбъ. — Охъ! охъ! охъ!.. Вѣдь чайки за насъ Господу Богу молятся!.. Кушай, матушка, ѣшь.

Пробираясь изъ гостиницы въ монастырь, и я занялся чайками. Онѣ окружили меня и выпрашивали хлѣбъ громкимъ гоготаньемъ. Я присѣлъ на дорожку и старался поймать хоть одну птицу. Но чайки этого не любятъ: онѣ ловко отпрыгиваютъ и въ отместку норовятъ уклонуть руку. Особенно опасно ловить дѣтенышей: на крикъ цыпленка слетаются со всѣхъ сторонъ самки и храбро нападаютъ на врага.

Входить въ монастырь полагается чрезъ Святыя ворота, и здѣсь всѣ, впервые посѣщающіе монастырь, непременно останавливаются и разсматриваютъ „раненую“ икону, пробитую по краямъ двумя англійскими бомбами въ 1854 г., когда два англійскихъ крейсера въ теченіе нѣсколькихъ часовъ обстрѣливали Соловецкій.

Въ исторіи Соловецкаго монастыря эта бомбардировка 1854 года занимаетъ одну изъ наиболѣе интересныхъ страницъ. На стѣнахъ собора и до сихъ поръ нарочно оставлены незадѣланными тѣ впадины, которыя сдѣлали англійскія бомбы. Купола были тоже повреждены въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но оставить эти пробоины было нельзя и крыша была задѣлана; однако, чтобы указать шрамы, на куполахъ сдѣланы круглыя пятна черной краской.

Бомбардировка Соловецкаго монастыря имѣла мѣсто въ то время, когда союзники осаждали Севастополь. 6-го іюля 1854 года къ острову подошли два англійскихъ корвета и начали стрѣлять. Растративъ значительную часть своихъ зарядовъ и не имѣя достаточныхъ силъ для десанта, англичане отплыли, не добившись сдачи.

Въ то время у Соловецкаго монастыря было 20 пушекъ для самообороны. Двѣ изъ этихъ пушекъ и теперь стоятъ на площадкѣ возлѣ собора, а между ними груда бомбъ, брошенныхъ англичанами на островъ. Осажденные отстрѣливались, какъ могли, изъ своихъ пушекъ, но артиллерійское дѣло того времени стояло настолько низко, что тринадцатичасовой взаимный обмѣнъ выстрѣлами не причинилъ существеннаго вреда ни той, ни другой сторонѣ.

Судя по двумъ соловецкимъ пушкамъ, нынѣ стоящимъ возлѣ собора, и судя по грудѣ англійскихъ ядеръ, невинность перестрѣлки оказывается вовсе неудивительной. Англійскія бомбы въ большинствѣ случаевъ не взрывали и ударами своими въ каменные стѣны выбивали лишь 3—4 кирпича. Соловецкія пушки напоминаютъ то мѣсто „Пугачевцевъ“ Салиаса, гдѣ описанъ самострѣляющій пистолій, которымъ былъ вооруженъ солдатикъ одной крѣпости. Этотъ пистолій вдругъ внезапно и неожиданно во время смотра взялъ да и выпалилъ.

— Вотъ онъ всегда такъ дѣлаетъ... — сказалъ солдатикъ: — когда изъ него стрѣляешь, онъ не стрѣляетъ, а когда не надо — возьметъ да и выпалитъ.

Среди простыхъ паломниковъ о бомбардированіи монастыря циркулируютъ самыя фантастическія легенды.

— Англичане палили докрасна раскаленными ядрами и все-таки не могли убить даже ни одной чайки. Чаекъ этихъ собрались тучи и всѣ онѣ съ крикомъ направились противъ вражескихъ кораблей. Ну, англичане и испугались, такъ какъ увидѣли, что и птицы небесныя противъ нихъ.

Въ монастырь я пришелъ какъ разъ во-время: звонили къ трапезѣ. Я присоединился къ толпѣ идущихъ обѣдать и вошелъ въ большое зданіе, нераздѣльно слившееся съ церковью.

Трапезная по своему виду похожа на церковь: стѣны расписаны иконами, предъ которыми горають свѣчи, на возвышеніи стоитъ монахъ и читаетъ что-нибудь изъ Четы-Минеи. За двумя длинными столами усаживаются монахи, паломники занимаютъ мѣста за другими столами, рядомъ съ монахами. Послѣ молитвы раздается звонокъ и начинается обѣдъ. Простонародье ѣстъ отдѣльно отъ „чистой“ публики. Послѣ кваса съ лукомъ и треской намъ подали рыбную кашницу, затѣмъ бѣлую кашу съ постнымъ масломъ, потомъ лапшу

съ рыбой палтусомъ и, наконецъ, всѣмъ роздали по кусочку просфоры. Кушанья смѣнялись толпой мальчиковъ - послушниковъ, при чемъ сигналъ подавалъ старшій монахъ звономъ въ колокольчикъ.

Размѣщеніемъ „чистыхъ“ паломниковъ въ трапезной завѣдуетъ красивый монахъ—брюнетъ лѣтъ 35—40. Онъ любезно указалъ мнѣ одно мѣсто въ концѣ стола, но чрезъ минуту опять подошелъ ко мнѣ и совершенно свѣтскимъ, веселымъ тономъ сказалъ:

— Нѣтъ, не садитесь тутъ: вамъ будетъ плохо видно; вотъ лучше здѣсь займите мѣсто; отсюда вамъ будетъ видно обѣдающую братію и смѣну кушаній.

Соловецкія впечатлѣнія.

Часовъ въ пять утра по коридорамъ монастырской гостиницы идетъ будильщикъ и неистово звонить. Это сигналъ къ заутренѣ. Богомольцы встаютъ и со всѣхъ сторонъ длинными вереницами тянутся къ монастырю, внутри стѣнъ котораго паломникамъ ночевать не полагается.

Большинство богомольцевъ отстаиваютъ заутреню, раннюю обѣдню, затѣмъ и позднюю. Многіе говѣютъ. Въ полдень всѣ идутъ въ трапезную обѣдать. Здѣсь женщинъ отдѣляютъ отъ мужчинъ, что нѣсколько удивительно послѣ установленнаго общежитія обоихъ половъ въ нумерахъ гостиницъ.

Но здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступление и хотя бы въ краткихъ словахъ рассказать, кто эти богомольцы, стекающіеся въ Соловецкій.

Главный паломникъ—простонародіе. Многіе изъ нихъ часть пути дѣлаютъ пѣшкомъ, безропотно претерпѣваютъ всѣ неудобства путешествій въ III-мъ и IV-мъ классахъ и по „артельнымъ билетамъ“. Въ Архангельскѣ они не стѣсняются зачастую просить милостыню на путь, просить администрацію о даровыхъ билетахъ. На монастырскихъ пароходахъ они покорно уподобляются сельдямъ въ боченкахъ; на подворьяхъ ихъ скучиваютъ, мужчинъ и женщинъ, въ общихъ комнатахъ, грязныхъ и обильныхъ клопами. Въ Соловецкомъ ихъ размѣщаютъ такъ же, какъ и на подворьяхъ, и кормятъ за отдѣльной трапезой, само собой разумеется, очень простой. По внѣшнему своему виду эти паломники напоминаютъ нашихъ странниковъ по святымъ мѣстамъ, и многіе изъ нихъ дѣйствительно побывали и въ Кіевѣ, и въ Новомъ Іерусалимѣ и т. д.

Точнаго подсчета паломниковъ нѣтъ, но по нѣкоторымъ даннымъ примитивной монастырской статистики можно заключить, что ежегодно въ Соловецкомъ перебивается до 12 тыс. богомольцевъ и богомолковъ. Паломники, пріѣзжающіе въ I-мъ и II-мъ классахъ пароходовъ, существенно отлича-

ются отъ „простыхъ“ богомольцевъ. Среди „чистыхъ“ гостей замѣчаются туристы, совершающіе путешествіе изъ простой любознательности. Но большинство такъ или иначе, а привлекаются монастыремъ въ силу мотивовъ религіозныхъ.

Вмѣстѣ со мной ѣхали двѣ дочери священника и съ ними ихъ братъ — прыщавый, здоровенный семинаристъ, который не стѣснялся громко желать хорошенькой качки:

— Любопытно было бы посмотрѣть, какъ васъ всѣхъ начало бы рвать...

Ѣхалъ старикъ, экипажный мастеръ изъ Вятки, съ молодой женой. Этотъ человѣкъ посѣтилъ почти всѣ русскія святыя мѣста, при чемъ, какъ это ни странно, религіозное чувство не мѣшало ему очень трезво и мѣтко судить и сравнивать порядки разныхъ монастырей.

— У насъ за вынутіе просфоры и за поминаніе берутъ 25 коп., а здѣсь рублевку...

Ѣхалъ молодой, но солидный купецъ, бывающій въ Соловецкомъ по нѣскольку разъ въ годъ и жертвующій на монастырь довольно щедро. И на пароходѣ, и въ Соловецкомъ этотъ купецъ пользовался особеннымъ вниманіемъ: „гостиничій“ отецъ Николай сразу увидѣлъ его среди прибывшихъ, немедленно отвелъ ему комнату и пригласилъ къ себѣ „въ келью“ „выпить чайку съ дорожки“. Монахъ, завѣдующій трапезой, послѣ обѣда поднесъ купцу просфору.

Бъхали три пожилыя женщины, занимающіяся въ своихъ уѣздныхъ городахъ торговлей. Эти женщины были неграмотны, но довольно богаты. Онѣ выказали большую скупость, когда нужно было уплатить за переноску ихъ багажа: онѣ давали 3—5 коп., но зато въ монастырской лавкѣ онѣ купили на 30—40 р. образковъ, картинъ-олеографій, крестиковъ и т. д.

Къ простонароднымъ паломникамъ, о которыхъ я упомянулъ, слѣдуетъ причислить и монаховъ съ монахинями разныхъ другихъ монастырей, а также и чужихъ послушниковъ, стекающихся въ Соловецкій въ значительномъ числѣ. Они даютъ тонъ простонароднымъ паломникамъ.

Эти монахи, монахини, послушники и послушницы, по большей части крестьяне и крестьянки по происхожденію, не только крайне невзыскательны, но еще и принципиально считаютъ за грѣхъ на что-либо роптать во время паломничества. Привычка къ бѣдной и грязной обстановкѣ, къ лишеніямъ, къ отсутствію элементарнѣйшихъ удобствъ усугубляется идеей аскетизма, глубокими корнями засѣвшей въ русскомъ православномъ монастырскомъ подвигѣ.

По прибытіи въ Соловецкій эти люди, несмотря ни на какую погоду, часто пронзительно-холодную, сырую, туманную и вѣтреную, немедленно спѣшатъ

искупаться въ разстилающемся близъ монастыря „Святомъ“ озерѣ. Отъ озера они возвращаются съ посинѣлыми губами и лицами, но это не мѣшаетъ имъ говорить:

— Сподобились искупаться въ Святомъ озерцѣ.

Не легко опредѣлить, сколько приносятъ монастырю „матеріальной“ пользы „простые“ паломники. Есть между ними бѣдняки, но громадное большинство не только окупаетъ монастырскіе на нихъ расходы, но еще даетъ значительный доходъ. Человѣкъ, отправляющійся въ Соловецкій, обыкновенно дѣлается у себя дома предметомъ общаго вниманія и интереса. Ему даютъ порученія: купить образки, поставить свѣчи, вынуть просфору, отслужить молебень и т. д. На всѣ эти заказы даются и деньги. А что стоитъ „простая“ трапеза въ теченіе 3-хъ дней и что стоитъ трехдневный ночлегъ по казарменному способу въ монастырской гостиницѣ? Это стоитъ такъ немного, что даже 1—2 руб., принесенные въ монастырь „простымъ“ паломникомъ, уже вполне достаточны, чтобы съ избыткомъ покрыть расходы.

Всякое мѣсто, посѣщаемое паломниками, всегда привлекаетъ ихъ своими святынями. Это — міровой законъ. Мекка привлекаетъ магометанъ Каабой, гдѣ лежитъ камень—Эсвадь, будто бы принесенный Адаму ангеломъ изъ рая; въ Мукдэнѣ китайцы поклоняются статуѣ божества Махакала; въ Лурдѣ

католики имѣють святую пещеру и чудотворный источникъ. Много святынъ и въ Соловецкомъ. Здѣсь есть мощи, есть Святое озеро, Святыя ворота, явленныя иконы—Сосновская, явившаяся на сонѣ, Запечная, явившаяся за печкой пекарни и т. д. Въ ризницѣ хранятся напрестольные кресты Ивана Грознаго и св. Савватія, священные сосуды, пожертвованныя царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и другими извѣстными историческими людьми, покрывка съ шубы игумена Филиппа, пальашъ кн. Скопина-Шуйскаго, сабля кн. Пожарскаго, серебряная кружка казанскаго царя Бекбулатовича и т. д. и т. д. Всѣ эти предметы очень интересуютъ паломниковъ, которые, по своему незнакомству съ исторіей, сочиняють о видѣнномъ самыя невѣроятныя и неожиданныя легенды.

— Этимъ мечомъ апостоль Петръ отсѣкъ ухо воину въ Гевсиманскомъ саду.

— Охъ, Господи!..

— Говорять, что сей плащъ тотъ самый, который бросилъ Илія пророку Елисею, когда возносился на огненной колесницѣ.

— Охъ, Господи!..

Монастырское хозяйство и братія.

Бродя по Соловецкому острову, пріѣзжіе изъ средней Россіи то и дѣло удивляются:

— Боже мой, какъ здѣсь все запаздываетъ!..

И дѣйствительно, здѣсь сѣверъ сильно даетъ себя знать. Наступаетъ половина іюля, а рябина еще не зацвѣла. Въ Петрозаводскѣ на базарѣ продають морошку, а здѣсь она только цвѣтетъ. Здѣсь нельзя сѣять ржи, объ огурцахъ нечего и думать—они даже въ Архангельскѣ требуютъ парниковъ, и желающіе полакомиться этимъ столь обыкновеннымъ у насъ „плодомъ“ должны довольствоваться огурцами, привезенными сюда изъ Петербурга на корабляхъ, обогнувшихъ Норвегію.

И это естественно: въ іюнѣ здѣсь еще часты утренніе, сильные морозы, которые прерываются лишь на одинъ іюль, но въ августѣ опять серебрятъ землю. Да и въ іюлѣ временами поднимается жестокий „нордъ“ — сѣверный вѣтеръ, несущій пронзительный холодъ со льдовъ Ледовитаго океана. Чтобы спасти отъ этого норда немудреные овощи—зеленый лукъ и картофель, нужно поскорѣе разводить костры съ вѣтреной стороны: дымъ оказываетъ нѣкоторую помощь.

И все-таки при монастырѣ есть большой огородъ, надъ которымъ много трудятся „годовики“. Рядомъ съ капустой разстилаются поразительно многочисленныя гряды съ лукомъ. Лукъ—излюбленная трапезная зелень. Муку, пшено и гречу въ Соловецкій привозятъ изъ Архангельска. Суровыя стороны сѣвера проявляются во всемъ: зима тянется съ по-

ловины октября и до половины апрѣля. Въ это время нѣтъ уже навигаціи, и часто случается, что монастырь по мѣсяцу и болѣе не получаетъ почты.

Монастырская братія не многочисленна. По послѣднимъ опубликованнымъ свѣдѣніямъ, монаховъ насчитываютъ около 250 человекъ. Большинство—крестьяне по происхожденію; ихъ — 140 человекъ. Изъ мѣщанъ наберется человекъ 40—50, изъ духовнаго сословія человекъ 20, десятокъ купцовъ и нѣсколько человекъ изъ прочихъ сословій. Однако характеръ братіи опредѣляется происхожденіемъ большинства монаховъ изъ крестьянъ и мѣщанства.

Это—люди, вообще говоря, весьма мало образованные. Многіе даже почти что безграмотны. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось узнать точнаго числа монаховъ съ дипломами семинарій, но и безъ этихъ данныхъ съ увѣренностью можно сказать, что соловецкая братія очень бѣдна просвѣщенными членами. Это видно по всему. Въ монастырской лавкѣ, гдѣ продаются образа, крестики, книжки и картинки, я не нашелъ ни хорошихъ монастырскихъ видовъ, ни хорошаго описанія монастыря, его исторіи и его современнаго быта. Олеографіи мѣстнаго издѣлья переполнены грѣхами противъ правды и законовъ перспективы. Монахъ-торговецъ, очевидно уже не мало слышавшій упрековъ въ этомъ смыслѣ, самъ сказалъ мнѣ:

— Да, тутъ много невѣрнаго: Святое озеро изображено ошибочно, кладбище тоже... Вотъ этотъ корпусъ кончается тутъ, а его продолжили за соборъ... Какъ было старое клише, такъ его и печатають.

По части литературы — тѣ же недостатки. Очевидно, въ Соловецкомъ монастырѣ еще недостаточно созрѣла потребность въ хорошей, простой и точной описательной книжкѣ и въ хорошемъ альбомѣ видовъ. Эта потребность нарождается, но нѣтъ еще мѣстныхъ силъ, способныхъ и подготовленныхъ, чтобы справиться съ задачей.

Недостатокъ въ интеллигентныхъ силахъ особенно ярко проявился въ дѣлѣ постройки парохода „Вѣра“.

Объ этомъ третьемъ монастырскомъ пароходѣ, который „когда-нибудь да будетъ готовъ“, я слышалъ и на архангельскомъ соловецкомъ подворьи, и во время пути въ Соловецкій монастырь, и на островѣ отъ разныхъ монаховъ. Всѣ эти упоминанія о третьемъ пароходѣ носили всякій разъ большій или меньшій ироническій отгѣнокъ.

— Отецъ настоятель вообразилъ себя инженеромъ-кораблестроителемъ... гм... не знаю ужъ, что изъ этого выйдетъ...

Такой тонъ побудилъ меня вскорѣ послѣ приѣзда въ Соловецкій поторопиться увидѣть плоды инженернаго искусства отца настоятеля.

Возлѣ Святого озера есть вырытый бассейнъ, который по желанію можно наполнять водою изъ Святого озера, а можно и опоражнивать путемъ спуска воды въ море. Такимъ образомъ здѣсь оказался прекрасный докъ, и вотъ внутри его и красовался третій пароходъ, установленный на подставкахъ.

Исторія этого парохода дѣйствительно интересна и даже курьезна. Лѣтъ сорокъ тому назадъ Соловецкій монастырь обзавелся пароходомъ — „Вѣра“ и сталъ перевозить на немъ къ себѣ паломниковъ. „Вѣра“ была чуть ли не первымъ пароходомъ на Бѣломъ морѣ и, какъ и первый портной Фонвизина, отличалась все больше отрицательными качествами.

Прошли года. Монастырь пріобрѣлъ пароходъ „Соловецкъ“ и пароходъ „Архангель Михаилъ“ за 250 т. р., а старая „Вѣра“ тѣмъ временемъ все ветшала и ветшала. Наконецъ, монахи убѣдились, что „Вѣра“ требуетъ фундаментальнаго ремонта, и лѣтъ пять тому назадъ ее ввели въ соловецкій докъ. Тутъ-то и начались инженерно-кораблестроительныя увлеченія о. настоятеля.

Сперва рѣшено было поправить въ „Вѣрѣ“ лишь необходимое. Но эта скромная задача вскорѣ уступила мѣсто болѣе широкимъ планамъ. Выломали все „нутро“ и надумали поставить новую машину. Одинъ пожилой монахъ, очень общительный и

откровенный, сообщил мнѣ, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ „нутро“ передѣлываемаго парохода выламывали уже два раза... „Сдѣлають, выходить не то, и опять выламывают“. На „Соловецкѣ“ и на „Архангелѣ Михаилѣ“ работают машины приблизительно во сто силъ. „Вѣру“ от. настоятель надумалъ снабдить машиной въ 600 силъ и заказалъ эту машину въ Выборгѣ за 75 тыс. руб.

— Устроимъ быстроходъ, который будетъ перебѣгать пространство отъ Архангельска до Соловецкаго не въ 16-ть, а въ 7—8 часовъ...

Однако, осуществленіе „быстрохода“ встрѣтило разнаго рода непредвидѣнные препятствія: большая машина грозитъ трясти маленькій корпусъ „Вѣры“, какъ трясеть простуженнаго лихорадка. Большой машинѣ долженъ соотвѣтствовать и большой винтъ, а его-то и негдѣ помѣстить въ миниатюрной кормовой части маленькой „Вѣры“. Пароходы архангельско - мурманскаго товарищества были сдѣланы въ Англии въ 4—6 мѣсяцевъ, а „Вѣру“ вотъ уже пятый годъ дѣлають и все еще ничего сдѣлать не могутъ.

— Видимъ и сами, что не то... — говорятъ монахи, — да ничего не подѣлаешь: отецъ настоятель совѣтовъ не принимаетъ и непремѣнно желаетъ самъ кораблестроительствовать.

И „въѣдетъ“ эта „Вѣра“ монастырю тысячъ въ двѣсти съ хвостикомъ, какъ выражаются шопотомъ

сами монахи... и выйдетъ въ итогѣ прекуръезнѣйшее судно: маленькое, неудобное, но зато дорогое.

— Ну, да это ничего: монастырская касса богата и незамѣтно вытерпитъ увлеченіе отца настоятеля.

Годовой доходъ монастыря, какъ говорятъ монахи, равняется приблизительно 200 тыс. руб. Болѣе 50 тысячъ выручаютъ съ паломниковъ пароходы, не мало выручаетъ конюшня съ ея 200 лошадьми, развозящими богомольцевъ по разнымъ скитамъ острова; затѣмъ идетъ кружечный сборъ, плата за службы, за исповѣдь, молебны и панихиды. Тюлений промыселъ даетъ около 10 т. р.; даетъ доходъ монастырская рухлядная, изъ которой продается разный говаръ. Вотъ это, кажется, единственные два источника доходовъ, не относящіеся къ главному источнику—паломническимъ карманамъ. Но надо замѣтить, что въ Соловецкомъ ежегодно работаетъ даромъ болѣе 1000 „годовиковъ“ — работниковъ „по обѣщанію“. Ихъ-то трудомъ поддерживается и тюлений промыселъ, и рухлядная, не считая лѣсного хозяйства, сѣнокоса, рыбной ловли, скотнаго двора и т. д.

„Годовики“ убираютъ для монастыря всѣ соловецкіе сѣнокосы, которыхъ до 20 тыс. десятинъ. „Годовики“ рубятъ лѣсъ, заготавливаютъ годовую пропорцію дровъ, ухаживаютъ за сотней коровъ и

за 200-ми овецъ. Кучера и конюха тоже изъ „годовиковъ“ и они же работаютъ во всѣхъ монастырскихъ мастерскихъ, оставляя братіи лишь обязанность общаго надзора.

Одинъ бѣломорскій таможенный офицеръ, хорошо знающій мѣстныя условія, сказалъ мнѣ:

— „Годовики“ стремятся въ Соловецкій не только подъ вліяніемъ лишь религіозныхъ побужденій. Они знаютъ, что въ Соловецкомъ можно научиться ремесламъ—сапожному, скорняжному, портновскому, иконописному, салотопенному, свѣчному, гончарному, кирпичному, лѣсопильному, кожевенному, мукомольному, переплетному, колесному, санному, экипажному, столярному, малярному, кузнечному, поварскому, слесарному и другимъ, и вотъ для изученія этихъ ремеслъ „годовики“ устремляются въ монастырь.

Въ этихъ словахъ много правды, но они слишкомъ умаляютъ значеніе религіозныхъ мотивовъ. Ремесламъ въ Соловецкомъ можно научиться, но изъ 1000—1200 „годовиковъ“ въ ремесленныя тайны посвящаются лишь немногіе—какіе-нибудь 10—20 проц.; остальная рабочая масса косить сѣно, убираетъ скотъ, рубить дрова, поправляетъ дороги, очищаетъ погреба, носить воду, топить печи и т. д. и т. д., то-есть прикладываетъ свою силу къ дѣламъ, которымъ мужику учиться нечего.

Меня очень интересовалъ вопросъ: увеличивается

или уменьшается приливъ „годовиковъ“? Если уменьшается, то не доказываетъ ли это упадокъ религіозной напряженности въ средѣ сѣвернаго простонародья?

Къ сожалѣнію, факты отчасти маскируютъ отвѣтъ. По словамъ не только монастырскихъ политиковъ, которые вообще говорятъ не спроста, а съ тенденціей, но по словамъ и простодушныхъ, откровенныхъ и нехитрыхъ монаховъ, незамѣтно, чтобы число „годовиковъ“, предлагающихъ свои услуги, падало.

— Съ тѣхъ поръ, какъ себя помнимъ, и до сихъ поръ „годовики“ валяютъ одинаково, и многимъ „годовикамъ“ приходится отказывать: монастырю нужно 1000—1200, а является ихъ 1500 и болѣе.

Но изъ этихъ словъ нельзя сдѣлать вывода, такъ какъ все дѣло замаскировала архангельская желѣзная дорога. Благодаря этой дорогѣ, районъ, изъ котораго вербуются „годовики“, значительно расширился. Теперь идутъ въ „годовики“ не только сѣверяне, но и крестьяне, южнѣе Сухоны живущіе. Паровой транзитъ укоротилъ разстояніе.

И вотъ, если допустить, что число предлагающихся „годовиковъ“ остается безъ перемѣны, не смотря на желѣзную дорогу и расширившійся районъ вербовки, то придется заключить, что дѣйствительно вѣрны обличенія народа въ утратѣ нѣкоторой доли религіознаго чувства. Однако выводъ

этотъ, какъ оно и замѣтно, не достаточно серьезно обоснованъ: нѣтъ хорошей статистики предложеній „годовиковъ“.

Такъ или иначе, мы видимъ, что деньги богомольцевъ и даровой трудъ тысячи „годовиковъ“ — вотъ почти единственные корни, питающіе монастырскую кассу и дающіе ей до 200 тыс. руб. ежегодно.

Я счелъ нужнымъ остановиться на источникахъ монастырскихъ доходовъ потому, что нерѣдко на монастыри смотрятъ, какъ на своеобразныя производительныя артели или общины, извлекающія свои доходы изъ своего хозяйства, изъ промысловъ, изъ торговли и т. д. Такой взглядъ къ Соловецкому монастырю, какъ видно, непримѣнимъ. Соловецкій монастырь хотя и владѣетъ крупною недвижимостью въ видѣ острововъ, подворій и т. д. но пополняетъ свою кассу почти исключительно приношеніями богомольцевъ и даровымъ трудомъ „годовиковъ“.

Собираясь въ Соловецкій, я задался, между прочимъ, и слѣдующимъ вопросомъ. Неподвижнаго въ мірѣ нѣтъ ничего, все растетъ, измѣняется или, какъ говорятъ, эволюционируетъ. Конечно, не исключеніе и Соловецкій. И вотъ меня интересовало посмотрѣть, въ какую сторону идутъ монастырскія измѣненія. Въ извѣстной нашей печати зачастую твердятъ, что вѣра въ народѣ падаетъ

и слабѣть, что рационализмъ ширится. Какъ же это отражается на монастырѣ, доходы котораго являются такимъ хорошимъ градусникомъ религіозной температуры? Увы!—за отсутствіемъ хорошихъ описаній монастырской жизни и за невозможностью установить нужные факты безъ содѣйствія монастырскихъ властей, вопросъ этотъ остался для меня безъ отвѣта.

Люди, хорошо знающіе Соловецкій, съ увѣренностью передавали мнѣ, что типъ прежняго суроваго монаха въ этомъ монастырѣ начинаетъ все болѣе и болѣе мѣняться. Увеличивается не только контингентъ просто грамотныхъ, но растетъ и вообще культурно-клерикальный уровень монастыря. Годъ отъ года въ числѣ паломниковъ увеличивается часть „чистой“ публики, съ которой нужно особенное обращеніе, которой необходимо давать и соответствующія объясненія. Недалеко то время, когда монастырю придется улучшить и обстановку своихъ грязныхъ и тѣсныхъ парходовъ, придется упорядочить свои подворья и гостиницы, изъ которыхъ будутъ изгнаны и грубые приемы завѣдующихъ, и клопы, и отвратительно грязные диваны. Въ этомъ смыслѣ Валаамскій монастырь уже далеко опередилъ Соловецкій, заброшенность котораго въ далекое и суровое сѣверное море помогаетъ жизненности устарѣлаго консерватизма.

Анзерскій скитъ. Историческая справка.

Въ Анзерскій скитъ и на гору Голгоуеу нужно ѣхать изъ Соловецкаго монастыря на лошадахъ, за что взимается по 1 руб. 50 коп. съ человѣка. Послѣ трапезы въ Анзеры двинулись на 9 экипажахъ 52 паломника. Это тоже одна изъ хорошихъ доходныхъ статей монастыря. Дорога содержится въ порядкѣ, но крайне скучна и однообразна. Все время на протяженіи 15 верстъ она идетъ плохимъ лѣсомъ съ болотами и озерами. Комаровъ необыкновенное количество. Они лѣзутъ вамъ въ носъ, въ глаза, въ ротъ и немилосердно васъ кусаютъ. Черезъ полтора часа ѣзды мы достигли сѣвернаго края Соловецкаго острова и отсюда на большихъ лодкахъ поплыли черезъ проливъ въ 5 верстъ шириной къ острову Анзерскому. Это пятиверстное плаваніе является для меня самымъ пріятнымъ изъ всѣхъ соловецкихъ воспоминаній. Бѣлое море сурово. Говорятъ, что это про него поется въ пѣснѣ: „Нелюдимо наше море, день и ночь шумитъ оно... въ роковомъ его просторѣ много жертвъ погребено“... И дѣйствительно, Бѣлое море нелюдимо. Блѣдное сѣверное небо отражается въ волнахъ и окрашиваетъ ихъ въ холодный бѣловато-зеленый цвѣтъ. Когда мы очутились посрединѣ пролива между Соловецкимъ и Анзерскимъ островами, ос-

трова эти показались намъ маленькими и плоскими, а море—громаднымъ, безконечнымъ. Изъ воды то и дѣло высывались круглыя, черныя головы тюленей; нѣсколько разъ блеснули бѣлыя, серебристыя брюха бѣлуги. Когда мы привалили къ Анзерскому острову, наступилъ „сухой отливъ“, который здѣсь два раза въ день опускается и поднимается на 2 аршина. Берегъ Анзерскаго острова только что успѣлъ выйти изъ-подъ воды прилива, и на отмели мы нашли много интересныхъ морскихъ растений и животныхъ.

Сами по себѣ Анзерскій скитъ и гора Голгоѳа ничего интереснаго изъ себя не представляютъ. Скитъ состоитъ изъ бѣлаго каменнаго корпуса съ церковью и нѣсколькихъ службъ. Въ этотъ скитъ ссылаютъ подъ строгій надзоръ всѣхъ провинившихся изъ соловецкой братіи.

„Голгоѳа“—горка съ маленькимъ скитомъ и церковью на вершинѣ. Видъ съ колокольни очень недуренъ: весь Анзерскій островъ виденъ, какъ на ладони, но, къ сожалѣнію, этотъ островъ, покрытый сплошнымъ и плохимъ лѣсомъ, ровно ничѣмъ не интересенъ. Въ Голгоѳскомъ скиту намъ подали громаднѣйшій самоваръ, и мы съ удовольствіемъ напильсь чаю.

На Соловецкомъ островѣ много зайцевъ, лись и лапландскихъ оленей. Но на нихъ не охотятся, и въ Голгоѳскомъ скиту нѣсколько лись до того

„обрусѣли“ и приручились, что смѣло входятъ на крыльцо жилища, и одинъ лишь большой сѣрый котъ воинственно относится къ лѣснымъ гостямъ.

Кучеръ той пары, на которой мнѣ пришлось ѣхать въ обществѣ еще трехъ лицъ, былъ вологодскій парень Прокопій. Ему только что минуло 16 лѣтъ и онъ явился въ монастырь „годовикомъ“, чтобы даромъ поработать лѣто и зиму. Я спросилъ Прокопія, что, собственно, побудило его итти въ „годовики“. Изъ отвѣта я узналъ, что Прокопій учился въ земской школѣ и выучился хорошо читать. Въ школьной библіотекѣ онъ нашелъ книжку „Соловецкій патерикъ“, и эта-то книжка и рѣшила судьбу юнаго читателя. Сердце его загорѣлось жаждою подвига, и онъ сталъ проситься у отца. Отецъ счелъ за грѣхъ противиться такому желанію сына, и мальчикъ явился въ Соловецкій изъ далекаго Великоустюгскаго уѣзда.

Таково вліяніе книжки!...

Популярность Соловецкаго монастыря сложилась вѣками. Основаніе монастыря относятъ къ 1429-му году. Долгое время онъ составлялъ самую сѣверную русскую колонію. Въ 1667 году Соловецкій монастырь отказался принять исправленныя Никомомъ книги и отправилъ къ царю челобитную съ просьбой оставить старую вѣру неприкосновенной. Въ отвѣтъ на эту челобитную было прислано войско, которое должно было силою вразумить мона-

ховъ въ правильности Никоновыхъ новшествъ. 22-го января 1676 года, послѣ семилѣтней осады, монастырь былъ взятъ приступомъ воеводою Мещериновымъ, благодаря измѣнѣ монаха Θεоктиста, прозваннаго Іудою - предателемъ. Начались лютыя казни. Многихъ ли монаховъ переубѣдила эта осада и эти казни—неизвѣстно, но извѣстно, что послѣ разгрома монастырь испыталъ тяжелый упадокъ. Тѣмъ и кончилось знаменитое „Соловецкое сидѣнье“, показавшее образчикъ весьма мужественной борьбы за свободу совѣсти. Интересно, что въ ризницѣ и теперь среди святынь монастыря показываютъ митру того самаго игумена, который начальствовалъ „Соловецкимъ сидѣніемъ“ и который былъ казненъ, не согласившись принять исправленныхъ книгъ...

Долгое время Соловецкій монастырь служилъ мѣстомъ ссылокъ и заточеній для опасныхъ враговъ русскаго государства. Возлѣ сѣверо-западной башни крѣпостной стѣны и теперь можно видѣть зданіе, много лѣтъ служившее острогомъ и извѣстное своими страшными, темными сводчатыми коридорами и ужасными темничными кельями. Лѣтъ 15—17 тому назадъ этотъ острогъ былъ упраздненъ и теперь въ немъ устраивается больница. Ссылныхъ и заточенныхъ въ настоящее время на Соловецкомъ нѣтъ; только въ Савватіевскомъ скиту доживаетъ, и то уже добровольно, свои дни раскольникъ, лѣтъ 30—35 тому назадъ сюда сосланный. По словамъ

монаховъ, этотъ старикъ такъ „въ расколѣ и остается“, но ѣхать или уходить ему уже некуда: тридцатилѣтній промежутокъ времени приучилъ его къ суровому острову, который ему дорогъ своимъ былымъ упорствомъ въ дѣлѣ старой вѣры, а родина... въ ней нѣтъ уже ничего родного послѣ 30-лѣтней разлуки.

Въ Соловецкомъ въ свое время переносилъ ссылку и заточеніе, между прочимъ, и знаменитый запорожскій кошевой атаманъ Кольшиневскій. Здѣсь кончилъ свои дни трагической касимовскій царь Симеонъ Бекбулатовичъ. Здѣсь же испыталъ превратность судьбы сосланный воевода Мещериновъ, тотъ самый, который сломилъ „Соловецкое сидѣніе“ за старую вѣру. Здѣсь сидѣлъ умный Сильвестръ, а также Авраамій Палицынъ. Я напрасно искалъ могилъ кого-нибудь изъ этихъ знаменитыхъ узниковъ. Монастырь не сохранилъ могилъ, хотя исторія и хранитъ имена этихъ людей.

Теперь, когда всѣ непріятности путешествія уже изгладились изъ моей памяти, я чувствую, что я очень радъ, что побывалъ въ Соловецкомъ. Тамъ много интереснаго и въ климатическомъ и въ бытовомъ смыслѣ. Но, разставаясь съ Бѣлымъ моремъ, я не сказалъ ему въ сердцѣ своемъ — „до свиданья“, то-есть того слова, которое невольно приходитъ на умъ, когда покидаешь какое-нибудь красивое, теплое южное мѣсто, гдѣ жаркое солнце

живительными своими лучами порождает роскошную растительность и душу настраивает на особо веселый и добрый ладъ.

Изъ Соловецкаго до Петербурга я добрался очень интересной дорогой: по Бѣлому морю чрезъ Кемь до Сумскаго посада, затѣмъ на лошадахъ мимо знаменитаго въ исторіи нашего раскола озера Выгъ до Повѣнца, а отсюда на пароходѣ по Онежскому озеру, рѣкѣ Свири, Ладожскому озеру и Невѣ въ столицу.

Объ этомъ путешествіи я хочу вкратцѣ рассказать, тѣмъ болѣе, что случайно мнѣ пришлось сдѣлать этотъ путь за 3 дня до проѣзда военного министра, и я повсюду имѣлъ случай наблюдать тѣ приготовленія, которыя мѣстныя мелкія власти считали необходимымъ предпринять.

Отъ Соловецкаго до Петербурга.

Отъ Соловецкаго до Сумскаго посада я рѣшилъ доплыть на пароходѣ „Ольга“ архангельско-мурманскаго т—ва. Эта „Ольга“ должна была подойти къ Соловецкому утромъ въ воскресенье. Чтобы какъ-нибудь не пропустить „Ольги“, я поручилъ нашему гостиничному служителю, „годовику“ Егору, непременно разбудить меня, если бы я самъ не проснулся во-время.

Въ три часа утра въ дверь нашего номера

Егоръ началъ стучать со всею силою своихъ молодыхъ и здоровыхъ кулаковъ. Я вскочилъ и отворилъ дверь.

— Вамъ въ Сумы нужно?—спросилъ Егоръ, и на мой утвердительный отвѣтъ сказалъ:—Ну, такъ ложитесь: подошелъ пароходъ, да не тотъ, который вамъ нуженъ.

Но спать было уже трудно послѣ столь отчаяннаго пробужденія. Къ тому же и „Ольга“ должна была подойти съ часа на часъ.

Въ шесть часовъ утра подулъ сильный вѣтеръ и по Бѣлому морю забѣгали сперва зайцы, а затѣмъ заходили и волны. Накрапывалъ дождь. Вскорѣ показалась „Ольга“, но къ пристани не подошла, а бросила якорь въ пяти верстахъ отъ берега. Пришлось отыскивать „карбасъ“, то-есть лодку, и плыть къ пароходу. За два рубля лодка нашлась съ тремя опытными поморами, которые хладнокровно рѣшили:

— Чать какъ-нибудь доберемся.

Моею лодкою попросили воспользоваться еще три дамы и четверо мужчинъ. Мы побросали свои чемоданы на дно карбаса, спрыгнули въ него и ввѣрили свою судьбу поморамъ.

Вначалѣ дѣло шло недурно: въ гавани Благополучія волненіе было незначительное, попутный вѣтеръ надулъ нашъ парусъ, и лодка, накренившись, полетѣла.

Но съ выходомъ изъ гавани обстоятельства измѣнились. Наша лодка имѣла лишь одинъ парусъ, а безъ кливера нельзя было лавировать, плыть же намъ слѣдовало почти противъ вѣтра. Дѣлать нечего, парусъ былъ спущенъ, и поморы взялись за весла.

Трудная работа—гребти на морѣ противъ вѣтра и противъ волнъ. Лодка кажется скорлупкой, которую поднимаетъ, качаетъ и бросаетъ во всѣ стороны. Кажется, что весла безсильны и цѣль никогда не будетъ достигнута.

Набѣгающія волны обдавали насъ холодными брызгами и душами. Одна изъ дамъ обняла нашу маленькую мачту и часто отъ страха закрывала глаза. Съ дамскихъ шляпъ капали соленыя капли, но о спасеніи шляпъ и костюмовъ нечего было и думать.

Поморы гребли молча и сосредоточенно. Лишь изрѣдка старшій изъ нихъ произносилъ:

— Сносить... держи выше.

Однако мы все же добрались живыми, хотя и мокрыми, до „Ольги“, съ которой намъ бросили веревку. Мы подтянулись къ трапу. Волны набѣгали одна за другой, и лодка наша то уходила низко подъ трапъ, то поднималась на половину высоты трапа.

— Берегите трапъ!—кричали съ парохода.

— Берегите руки!—совѣтовали намъ поморы,

боявшіеся, какъ бы мы не положили рукъ на борта лодки въ моментъ столкновенія этихъ бортовъ съ трапомъ.

На трапъ спустились два ловкихъ матроса. Поморы кое-какъ установили на ноги нашихъ дамъ и въ извѣстный моментъ выталкивали ихъ въ объятія матросовъ.

Но вотъ мы и на „Ольгѣ“. Славный пароходъ эта „Ольга“: чистый, красивый, уютный и приспособленный къ морю. Не только по надписямъ можно было догадаться, что его сдѣлали въ Глазго, а не по указаніямъ отца соловецкаго настоятеля.

Отъ Соловецкаго мы направились въ Кемь, оттуда въ Сороку и только на другой день, часовъ въ 10 утра, бросили якорь въ 8-ми верстахъ отъ берега Сумскаго посада.

На всѣхъ стоянкахъ къ „Ольгѣ“ подплывали на лодкахъ—„карбасахъ“—поморскія женщины—„женки“. Онѣ подвозили грузы, онѣ доставляли и товары и пассажировъ на берегъ. Въ лѣтнее время поморы уплываютъ къ Мурманскому берегу на рыбный промыселъ, и дома всѣмъ правятъ бабы—„женки“.

Замѣчательно хорошее впечатлѣніе производятъ эти женщины - моряки. Сразу видно, что волны—ихъ стихія. Онѣ прекрасно управляютъ со своими парусами, гребутъ, какъ мужчины, и физически выглядятъ крѣпкими, смѣлыми и здоровыми.

Изъ Сумскаго посада за нами выѣхали тоже „женки“ на большомъ карбасѣ. Отъ берега до парохода „женки“ добрались шутя: на парусахъ по попутному вѣтру. Но обратный путь въ 8 верстѣ противъ вѣтра, противъ волнъ и отлива, а потомъ и противъ теченія рѣчки Сумы былъ настоящей каторгой. Эти 8 верстѣ мы плыли 6 часовъ, непрерывно напрягая всѣ силы подъ веслами.

Отъ Сумскаго посада до города Повѣнца, то есть до Онежскаго озера, почти 200 верстѣ. Дорога все время идетъ непрерывнымъ лѣсомъ. Однажды изъ-подъ ногъ нашихъ лошадей вылетѣла тетерка съ цѣлымъ выводкомъ цыплятъ. Ямщики рассказывали, что недѣли двѣ тому назадъ проезжающіе встрѣтили медвѣдя, который долго не уступалъ дороги, несмотря на то, что на него кричали, лаяли и ревѣли на всевозможные лады. Глубокой осенью здѣсь охотятся на куницъ, которыхъ продаютъ по 5—6 руб. за штуку. Зайцевъ и лисъ здѣсь изобиліе. На протяженіи многихъ верстѣ дорога идетъ вдоль озера Выгъ, и два раза приходится чрезъ него переправляться на поромахъ. На этомъ озерѣ масса утокъ, дикихъ гусей и разной другой птицы. Есть и лебеди, но стрѣлять ихъ считается грѣхомъ.

Озеро дало имя и знаменитому въ исторіи раскола Выгскому скиту, который долгое время благополучно существовалъ среди этой дикой лѣсной чащи.

По бѣломорскому побережью тянется таможенная охрана. Одинъ офицеръ этого кордона сообщилъ мнѣ, что уже нѣсколько лѣтъ здѣсь служить и охраняетъ бдительно нашу промышленность отъ ввозной конкуренціи. Въ теченіе этихъ лѣтъ офицеру лишь одинъ разъ удалось словить контрабанду, да и то всего только на три рубля. Подчиненные офицеру стражники услѣдили на восемь рублей того же рода преступленій. Итого въ нѣсколько лѣтъ уловлено было контрабанды на 11 рублей; между тѣмъ самъ офицеръ ежегодно получаетъ болѣе 1.000 рублей содержанія, да въ солидную сумму обходятся государству и нижніе пограничные служителя. Можно по этому примѣру представить себѣ, во что обходится таможенная охрана нашей границы на дальнемъ Востокѣ гдѣ таможенный кордонъ тянется на громадное число верстъ и гдѣ контрабандные трофеи врядъ ли превосходятъ успѣхи, описанные встрѣченнымъ мною офицеромъ.

Можетъ ли наша промышленность послѣ этого выражать какія-либо чувства, кромѣ благодарности?..

Убогое впечатлѣніе производятъ селенія, попадающіяся по дорогѣ между Сумскимъ посадомъ и Повѣнцомъ. Въ селеніи Лалино я попросилъ яицъ.

— Яицъ?!.. Да у насъ во всемъ селеніи нѣтъ ни одной курицы...—отвѣтили мнѣ лапинцы, подошедшіе къ станціи.

Зато комаровъ въ этихъ лѣсныхъ селеніяхъ необыкновенное количество. Они заставляютъ васъ постоянно хватывать руками лицо и шею.

Даже привычные мѣстные жители подъ шапки надѣваютъ платки, которые закрываютъ уши и затылокъ.

Пока мнѣ запрягали лошадей, къ лапинской станціи подѣхалъ на одноколкѣ мѣстный урядникъ. Онъ вѣжливо со мной поздоровался и озабоченно спросилъ:

— Какъ находите вы дорогу?

Я похвалилъ дорогу и, чтобы спастись отъ комаровъ, вошелъ въ комнату для проѣзжающихъ. Здѣсь все обнаруживало только-что произведенный ремонтъ: стѣны оклеены новыми обоями, полы покрашены, потолокъ выбѣленъ, на столѣ чистая скатерть, а на ней графинъ съ водой и стаканъ.

Такой же ремонтъ увидѣлъ я и на всѣхъ слѣдующихъ станціяхъ до Повѣнца. Содержатели объясняли, что въ теченіе послѣднихъ десяти дней мѣстное почтовое начальство уже успѣло восемь разъ проѣхать по дорогѣ и вотъ результаты. На каждой станціи были увѣрены, что именно здѣсь остановится министръ на отдыхъ.

— Пришлось купить хорошихъ шпалеръ: по 18 коп. за кусокъ... только вотъ клеивать некому было: ужъ бабы это сдѣлали, какъ могли. По кондіціямъ наше почтовое начальство можетъ одинъ

разъ въ мѣсяцъ безъ уплаты прогоновъ проѣзжать по пути для обревизованія порядка, а вотъ ужъ 8 разъ проѣхали... замучили лошадей.

Во многихъ мѣстахъ я встрѣчалъ группы рабочихъ, исправляющихъ дорогу и мостики. Особенное усердіе въ этомъ смыслѣ проявило повѣнецкое земство: оно распорядилось посыпать дорогу пескомъ.. Конечно, песокъ—вещь для дороги полезная, но пока этотъ песокъ не укатается, онъ сильно затрудняетъ ѣзду, и ямщики, меня везшіе, не безъ основанія ворчали. Повсюду возлѣ мостиковъ замѣтны были свѣжія щепки. Все, однимъ словомъ, указывало, что дорога, съ давнихъ поръ предоставленная „волѣ стихій“, вдругъ сдѣлалась предметомъ необыкновенной мѣстной заботливости.

Надѣюсь, никто не истолкуетъ этихъ моихъ словъ, какъ протестъ противъ дорожныхъ исправленій... Но дѣло въ томъ, что дороги слѣдуетъ всегда содержать въ порядкѣ, мосты должны быть всегда прочны, и чистота на станціяхъ всегда желательна. Это—истины, не вызывающія сомнѣній даже среди „вольтерьянцевъ“. Но мнѣ кажется, на нѣкоторыя размышленія могутъ навести „смотровыя“ мѣры, въ кои-то вѣки предпринимаемыя по поводу случайнаго проѣзда того или другого высокопоставленнаго лица. Къ чему эта наивная мѣстная хитрость, давно осмѣянная Гоголемъ въ

„Ревизоръ“ по поводу бѣлыхъ колпаковъ на головахъ больныхъ, ввѣренныхъ заботливымъ попеченіямъ почтеннаго Земляники?... Къ чему эта стратегія, стремящаяся показать, что у насъ будто бы „всегда такъ“, когда этого „всегда“-то и не бываетъ. Серьезный сановникъ ѣдетъ вѣдь не для того, чтобы увидѣть прибранство, на сей разъ нарочно заведенное. Серьезный сановникъ желаетъ видѣть, какъ дѣло идетъ обыкновенно, и всѣ эти „восемь проѣздовъ“ вмѣсто одного ординарнаго, всѣ эти песочкомъ посыпанныя дороги и новыя доски мостовъ способны только помѣшать властью имѣющему человѣку замѣтить то, что замѣтить ему нужно.

Эти настроенія на нѣкоторыхъ станціяхъ очень печально отразились на моей судьбѣ проѣзжающаго.

— Нѣтъ... нѣтъ лошадей!—уныло объявлялъ мнѣ хозяинъ станціи.—Всѣ въ разгонѣ, да и въ селеніи вы не найдете вольныхъ, такъ какъ староста запретилъ мужикамъ выпускать своихъ лошадей: приказалъ держать ихъ дома—на всякій случай... почему знать—могутъ понадобится.

Послѣ долгихъ поисковъ за двойные прогоны мнѣ удалось найти двухъ лошадей — клячъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Староста, осматривая лошадей, про этихъ несчастныхъ сказалъ:

— Ну, эти не потребуются.

И все-таки мнѣ пришлось ѣхать на этой забракованной старостой парѣ. Одна лошадь хромала; другая отличалась „любовью къ кнуту“, какъ увѣрялъ меня мой возница. Мы тащились шагомъ, и цѣлыя версты въ гору я прошелъ пѣшкомъ, боясь, что наши лошади, обезсилѣвъ, и вовсе откажутся подвигаться.

На станціи Сумъ-Островѣ старуха-хозяйка станціи пресерьезно сказала мнѣ:

— Все, батюшка, все прибрали... нельзя безъ этого: вѣдь мнѣ придется принимать господина министра.

Народъ Архангельской и Олонецкой губерній произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Крестьяне здѣсь держатся очень просто и вовсе незамѣтно забитости. Крестьянка Марья, помогавшая мнѣ вытащить чемоданъ, на прощанье подала мнѣ руку, и то же сдѣлалъ парень, везшій меня на двухъ клячахъ, забракованныхъ старостой. Здѣсь, на сѣверѣ, не было никогда крѣпостного права и это наложило свой отпечатокъ.

— Есть у васъ помѣщики?— спросилъ я одного ямщика.

— Помѣщики?.. гм.. нѣтъ, здѣсь они не водятся.

Въ Повѣнецъ я вѣхалъ передъ восходомъ солнца. Ночь была ясная, сырая и холодная. Роса смочила землю и траву, какъ дождемъ. Подѣвъ къ городу, я увидѣлъ интересную Повѣнчанку,

которую слышно было въ ночной тишинѣ уже за нѣсколько верстѣ. Многоводная Повѣнчанка бурлитъ и пѣнится чрезъ свои пороги и камни. Весной по ней сплавляютъ бревна. Вода схватываетъ громадныя деревья, вертитъ ими, какъ палкой, ставитъ торчмя, скрываетъ въ своей пѣнѣ и быстро проноситъ чрезъ пороги и камни. Жаль, что здѣсь даже среди лѣта такъ мало тепла: интересно было бы покупаться хотя бы около берега въ этой бурной водѣ. Сколько, подумаешь, въ этой сѣверной Россіи водяной силы... И придетъ время—воду пустятъ на колеса, въ турбины, и люди будущаго будутъ удивляться, какъ глупы были ихъ предки, не пользовавшіеся даровой энергіей.

На повѣнецкихъ улицахъ, посыпанныхъ пескомъ и разбороненныхъ граблями, не было ни души. Мой возница объяснилъ, что въ Повѣнцѣ нѣтъ ни гостиницъ, ни номеровъ.

— Но есть постоянный дворъ, гдѣ очень хорошіе люди останавливаются и гдѣ останавливаюсь и я.

Мы подѣхали къ этому двору и стали стучать въ двери и окна. Намъ долго не отпирали, наконецъ запоръ звякнулъ, и на порогѣ показался старикъ въ бѣлой рубашкѣ и подштаникахъ. На мой вопросъ—есть ли у него комната безъ клоповъ?—онъ отвѣтилъ:

— Если безъ клоповъ, то идите сюда.

И онъ провелъ меня въ свою „гостиную“, которая оправдала рекомендацію.

Старикъ-хозяинъ оказался евреемъ изъ Одессы. Сорокъ лѣтъ тому назадъ онъ поселился въ Повѣнецъ и съ тѣхъ поръ не покидалъ его.

— На моихъ глазахъ Повѣнецъ преобразился.. Прежде онъ былъ плохъ, какъ деревушка, а теперь устроены заборы и по главнымъ улицамъ проложены дощатые тротуары.

Часа въ три дня къ моему хозяину прибѣжалъ съ озабоченнымъ лицомъ разсыльный исправника.

— Дайте самыхъ лучшихъ сливокъ: скоро долженъ прибыть изъ Петрозаводска губернаторъ... Они будутъ обѣдать у насъ и пить кофей... Такъ вотъ сливки и нужны къ кофey.

На одной изъ улицъ я увидѣлъ человѣка, ножомъ срѣзывающаго траву у тротуара.

— Я свою траву срѣжу, — громко сказалъ онъ, — а другіе пусть дѣлаютъ, какъ хотятъ.

Но и „другіе“ тоже старались: улицы были выметены и посыпаны пескомъ. Обыватели часто выбѣгали и граблями заравнивали слѣды отъ проѣхавшихъ экипажей.

На другой день я пошелъ на пароходъ, который долженъ былъ въ 5 часовъ вечера отплыть къ Петрозаводску. На пароходѣ порядки оказались провинціально - патріархальные: мимо надписи — „Постороннимъ лицамъ входъ строго воспрещенъ“ —

постороннія лица шли самымъ покойнымъ образомъ именно туда, куда ходить не позволялось. Въ рубкѣ спали, въ общей спальнѣ ѣли, пили чай и курили.

Въ пять часовъ аккуратно пароходъ отвалилъ отъ пристани. Но этой точностью мы были обязаны не повѣнецкимъ пароходнымъ порядкамъ, а тому обстоятельству, что вдали на озерѣ въ бинокль былъ уже виденъ казенный пароходъ съ губернаторомъ, пристань же въ Повѣнцѣ одна.

На пароходѣ и среди провожавшей публики въ моментъ отвала пронеслась вѣсть:

— Исправникъ получилъ телеграмму: министръ будетъ завтра утромъ.

На Онегѣ ходили маленькія волны, и нѣкоторыя изъ дамъ-пассажирокъ поспѣшили встрѣтить ожидаемую качку въ лежачемъ положеніи. Однако, опасенія оказались преувеличенными. Пароходъ весело бѣжалъ по широкой поверхности красиваго озера. Съ одной стороны была видна полоса земли, покрытая лѣсомъ; съ другой стороны вода сливалась съ горизонтомъ.

Хорошо на просторной водѣ. Хотя даже большое озеро нельзя сравнить съ моремъ, но и на озерѣ хорошо. Съ годами я не только позволяю себѣ чувствовать прелести красотъ природы, — я наталкиваю себя на это. Прежде, въ молодости, мнѣ казалось, что это — „баловство“: не до красотъ природы

должно быть порядочному человѣку, когда людскія дѣла идутъ неладно... Но года бѣжали за годами, желанное не являлось, а жизнь, въ сущности, такъ коротка, что нужно торопиться, чтобы успѣть замѣтить и почувствовать, какъ хороша, напимѣръ, просторная ширь большого, глубокаго и могучаго озера... И я долго стоялъ тамъ, куда входъ пассажирамъ „строго воспрещенъ“, и смотрѣлъ вдаль, гдѣ вода сходилась съ небомъ.

Вотъ и Петрозаводскъ. Онъ раскинулся на большое пространство, хотя въ немъ и насчитываютъ всего только 12 т. жителей. Здѣсь приходится ждать полторы сутокъ „петербургскаго“ парохода. Чтобы убить время, я пошелъ бродить по городу, хотя смотрѣть въ немъ, собственно говоря, нечего. Средину Петрозаводска — котловину на берегу быстрой рѣчки — занимаетъ пушечный казенный заводъ, въ которомъ отливаютъ снаряды и выдѣлываютъ также другія „снасти“ для истребленія людей въ случаѣ войны. На краю этой котловины памятникъ — Петръ I съ вытянутой правой рукой и вытянутымъ указательнымъ перстомъ. Перстъ направленъ въ котловину, гдѣ стоитъ заводъ, и это означаетъ, что Петръ будто бы прозрѣлъ заводское будущее. Такъ ли это было въ дѣйствительности или иначе — объ этомъ исторія умалчиваетъ.

Заводъ съ внѣшней стороны выглядитъ довольно таки невесело: многое давно проситъ ремонта,

многое разваливается. Изъ многихъ торчащихъ трубъ только 2 — 3 дымятъ; остальные мрачно, сонно и даже мертвенно высятся своими старыми, закоптѣлыми верхушками. Зрѣлище печальное и вовсе не гармонирующее съ вытянутымъ перстомъ.

Цѣлую ночь мы плыли по Онегѣ. Утромъ мы вошли въ рѣку Свирь. На пароходѣ появились мѣстные лоцмана и опытной рукой проводили насъ по порожистымъ мѣстамъ. На порогахъ вода не бурлитъ и не пѣнится, но вся она покрыта маленькими водоворотами и воронками; кажется, будто воду здѣсь кипятятъ снизу, со дна.

Наконецъ показалась грандіозная поверхность Ладоги. Вдали сѣрѣли паруса рыболовныхъ лодокъ, надъ нами носились стаи утокъ. Но большинство пассажировъ было равнодушно къ открывающимся видамъ. Въ рубкѣ непрерывно пили и ѣли. Безпорядочны русскіе люди вообще и особенно въ этомъ отношеніи: иные обѣдаютъ въ полдень, иные подъ вечеръ. Прислуга сбивается съ ногъ, повара цѣлый день жарятъ и жарятся у плиты.

Рано утромъ на слѣдующій день мы увидѣли мрачную шлиссельбургскую крѣпость съ ея часовыми, вѣчно ходящими взадъ и впередъ по стѣнѣ. Военный свой смыслъ эта крѣпость уже давно утратила и теперь она играетъ лишь роль тюрьмы. Невольно вспоминаются слова извозчика, обращенныя къ Нехлюдову въ романѣ „Воскресенье“:

— А скучно тутъ...

Вотъ и предмѣстья Петербурга. Заводскія трубы дымятъ; народъ снуетъ съ озабоченностью жителей большого города; бѣгутъ паровыя конки. Вдали въ сѣрой дымкѣ вырисовываются купола столичныхъ церквей. Еще немного—и мы у пристани.

Газеты! газеты!.. Двѣ недѣли безъ свѣжаго печатнаго слова!.. Гдѣ разносчикъ? Въ Петрозаводскѣ я кое-какъ раздобылъ номеръ *Губернскихъ Вѣдомостей*, но развѣ это пища?.. Съ голода даже не сразу чувствуешь, сколь многого не хватаетъ въ нашихъ русскихъ представительницахъ „шестой державы“. Развязность кажется свободой, но это, конечно, только съ голода.
